

В.П. КУЛТЫГИН

ОБЛИК СОЦИАЛЬНОГО МИРА В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

КУЛТЫГИН Владимир Павлович — доктор философских наук, руководитель Центра исторической социологии ИСПИ РАН.

Абсолютный рекорд по количеству представленных материалов и придаваемому им значению "установила" на конгрессе тема **глобализации современного мира и ее рефлексии в социальных науках**. Именно этим сюжетам были посвящены послание президента Международной социологической ассоциации А. Мартинелли, первая президентская сессия, заседания различных исследовательских комитетов. Явно при серьезном давлении стран третьего мира широко обсуждалась проблематика **неравенства и эксцлюзий**.

Рассматривались на конгрессе и проблемы **социальных изменений**, часто проходящие, по мнению многих участников, в условиях **социальной травмы**. В первую очередь речь шла о процессах в Восточной Европе, а также в ряде стран третьего мира, стремящихся применять западные модели модернизации. Более благополучные страны мира в наибольшей степени интересовала проблематика **гендерных исследований, прав сексуальных меньшинств, конфликтов**. Широко и заинтересованно обсуждались **методология социального познания**, в частности, теоретико-методологическое **единство социологической науки, преемственность классической и современной социологии**. Бурно дебатировались тенденции социального развития и адекватные ответы общества на возникающие беспрецедентные проблемы. В этом ряду особенно остро звучала проблема "новых" и "старых" движений в современном мире.

Насыщенные дискуссии развернулись вокруг институциональных аспектов социологии, в частности, **развития и использования социологического знания** в меняющихся реалиях XXI века. Многие выступления были посвящены памяти **П. Бурдьё и его вкладу в развитие социологической науки**.

Преемственность классической и современной социологии

Интересный обзор по данной проблематике сделал бразильский социолог **Х.М. Домингеш**. В XX веке теоретическая социология, считает автор, стала более систематизированной, хотя и менее связанной с исторической концептуализацией модерна. Если К. Маркс (даже больше, чем О. Конт, Г. Спенсер или Ф.Ле Пле) был блестящим выразителем трендов XIX века, то Э. Дюркгейм, Г. Зиммель и М. Вебер находились в авангарде изменений, начавшихся в XX веке. После двух мировых войн институциональная социология из Европы эмигрировала в США, за исключением течений марксизма, вошедших в главное русло социологии только в 60-х гг. По его мнению, Т. Парсонс и функционализм, символический интеракционизм и "микросоциология" сформировали общие рамки понимания сущности и отчасти противостояли эмпирическому взгляду на социологию в США. Критическая теория в трудах Т. Адорно, М. Хоркхаймера и Г. Маркузе была глубокой и вдохновляющей. Работы классических социологов становились исключительно прозорливыми. Однако высший пик социологическая теория достигла в 60-80-е гг. XX века. Эти десятилетия свидетельствуют о ее расцвете во

множестве форм, особенно, как сформулировал Д. Александер в 1986 г., в форме "нового теоретического движения", в которое входят неофункционализм, П. Бурдьё, А. Гидденс, Ю. Хабермас, другие авторы и направления. Социологическая теория стремится к размыванию своих границ и к взаимодействию, особенно, с социальной теорией. Последняя является одной из главных областей "творчества", куда включается и рефлексивность. В этот период социология культуры стала одним из основных направлений исследования. Историческая социология также переживает свой ренессанс благодаря "цивилизационной теории", предложенной Ш. Айзенштадтом. Важнейшей темой в начале 90-х гг. становится глобализация, которая стала наиболее значимым объектом изучения.

Домингеш не очень оптимистично оценивает современную ситуацию в области теории. П. Бурдьё и Н. Луман ушли из жизни, Ю. Хабермас как философ и публицист удалился на покой, А. Гидденс рискует репутацией, странным образом запрыгивая в уходящий вагон "третьего пути". Д. Александер сконцентрировался на неструктуралистском анализе культуры, а другие социологи-теоретики нашли новые интересы и направления деятельности, за исключением З. Баумана, экзистенциалистски ориентированного на рефлексии постмодерна.

По его мнению, можно назвать две главных проблемы этой ситуации: одна - связь социологии с обществом, другая - взаимодействие теоретической социологии с "социальной теорией", которая является в настоящее время в значительной мере теорией культуры *tout court*.

Существует ли приемлемое решение? Н. Музелис в книге "Социологическая теория. Что пошло не так?" [*Mouzelis N. Sociological Theory. What Went Wrong? L.: Routledge, 1995*], посвященной критике работы Хабермаса "Теория коммуникативного действия", типично для лучших традиций британской социологии заметил, что "лингвистический поворот" зашел слишком далеко, отрицая вклад социологии в развитие гуманитарных наук, который состоит в энергичном и точном институциональном анализе. Домингеш не соглашается в целом с этим аргументом. Он также не считает, что стратегия Мертона имеет большие перспективы.

У Музелиса верна мысль о том, что социология может выжить и продемонстрировать свою значимость и ценность только тогда, когда будет способна внести свой вклад в понимание социальной жизни. Она должна служить ориентиром и обращаться ко всем социальным измерениям. Ничто не оправдывает сведение Парсонсом социологии к нормам и институтам; однако она должна быть чутка и к их деятельности. Политология и экономика выполняют эту задачу в своих областях (хотя часто зауженно), а социология должна ставить эти вопросы по отношению ко всей социальной жизни.

Домингеш сделал обзор ведущих западных журналов в области социологической теории. По его мнению, журнал "Теория, культура и общество" сосредоточен на культуре. В европейском "Журнале социальной теории" главным образом присутствует философия. "Социологическая теория" публикует статьи, которые чрезмерно специализированы и чаще всего в основном интерпретируют классиков. Что касается "Теории и общества", то этот журнал сосредоточен на исторически ориентированной социологии.

Синтез с другими науками был исключительно значим как попытка собрать воедино отдельные и часто противостоящие друг другу научные школы. Слабость подобного синтеза не имеет ничего общего с эклектизмом и коренится в недостатке новизны. Очень мало новых концепций или перспективных подходов вытекают из этого синтеза. Поэтому он не способен оплодотворить эмпирическую социологию так же, как постмодернизм или постструктурализм.

Возрождение социологического институционального анализа должно осуществляться решительно, чтобы пробиться сквозь недостатки и поверхностные подходы, особенно (но не только) в связи с изменившимися обстоятельствами модерна. Если теоретическая социология способна представить новые идеи, пусть даже и односторон-

ние, ее влияние зачастую огромно, что видно из дискуссий о "гражданском обществе", "обществе риска" или о так называемом "сетевом обществе".

Социология всегда была озабочена социальными проблемами, кризисом. Какой вклад она может внести в рассмотрение "обычных" агентов сегодня? Некоторые ориентированные исключительно на академическую науку социологи могут подумать, что подобные вопросы не имеют смысла, поскольку специализация в рамках университета является частью модерна, и все иное должно рассматриваться как возвращение к ностальгическому взгляду на роль интеллектуалов. До некоторой степени это правда. Однако социологическая традиция развивалась не так. Вспомним, как правительственные агентства, особенно в США, использовали социологические исследования. Если потерять это социальное измерение, можно потерять самих себя. Более того, специфическая манера организации культурной и, особенно, журналистской сферы в настоящее время ответственна за изоляцию общественной жизни от публичных дискуссий. Эту ситуацию трудно изменить, однако в ней нет ничего непреодолимого. Надо спросить себя, как мы планируем исследования, какие социальные проблемы противостоят нам как гражданам и членам модернизированных обществ и как обращаться с ними в рамках наших теоретических подходов. Иначе, даже если мы станем социально активными, будем делать это, не живя в рамках социологического наследия.

В качестве примера Домингеш приводит роль Гидденса в "Третьем пути", где тот скорее публицист, нежели социолог. В этом же и проблема Бурдьё, когда он критикует неолиберализм, полностью выходя за пределы собственных социологических интересов. Хабермас заметил [*Habermas J. Die Philosophie als Platzhalter und Interpret // Moralbewusstsein und kommunikatives Handeln. Frankfurt/M.: Suhrkamp, 1988*], что роль философа в том, чтобы изменяться с учетом развития науки и расширять бдительность граждан демократических конституционных государств и обществ. Сегодня философ лишен привилегии говорить от имени разума и истины. Он имеет право выразить только свою точку зрения как частный гражданин.

У социальной теории есть своя роль, выходящая за рамки академической жизни. Если наше исследование имеет общественный резонанс, - а оно должно его иметь, - и помогает людям разобраться в их проблемах, достижениях и недостатках, нам следует участвовать в публичных дебатах, прежде всего путем планирования наших собственных исследовательских целей и проектов. В то время как социология выступает системной рефлексией кризиса, она также часто является попыткой произвести социальные изменения, что просматривается даже в трудах авторов, стоящих на консервативных позициях.

Социология была рождена в критическом взаимодействии с утилитаризмом и атомистической либеральной демократией. Импульс можно найти в моральной чувствительности самого общества, которая несколько снизилась за последнее время. Если социология побуждается социальной жизнью, то социальную жизнь можно стимулировать научно ориентированной формой рефлексии социальных агентов относительно себя и социального мира в целом. Стоит особо подчеркивать состояние социологической теории как "коллективной субъективности", ответственной за существующую ситуацию.

Одним из наиболее острых выступлений по поводу преемственности современной социологии с ее классическим этапом был доклад, пожалуй, самого авторитетного социолога из числа присутствующих на конгрессе - **А. Турена "Социология без общества"**. В названии содержится критика и неприятие направления, задаваемого теорией рационального выбора и так называемым структуралистским анализом. Пафосом его выступления стал призыв к сохранению преемственности и единства социологического знания. Остановившись на двухтомнике "Теории общества", изданном в 1961 г. Парсонсом и Шилзом, Турен говорит о нем как примере преемственности анализа классической социологии. При этом его центральным понятием является не общество, но действие. Турен утверждает, что само понятие действия напрямую относилось к социальной системе и к обществу. Идея же общества предполагает, что существует базо-

вая общность, включающая в себя различные социальные явления: политические, экономические, социальные, культурные и т.д. Другая важная мысль - идея общества предполагает высокий уровень интеграции между структурой и изменениями, тесную связь между индустриальным развитием, модерном и капитализмом. Это приводит социологов к понятию социализации. Со времен Просвещения считается, что социализация превращает индивида в человека - homo universalis.

Еще один аспект понятия "общество" состоит в том, что идея общества возникла как конструкт, подразумевающий процесс институционализации. Этот процесс необходим, чтобы дать возможность построить порядок из окружения, где царит насилие. Подобная трактовка понятия общества лежит в основе социологического анализа, хотя реальность и не вполне соответствует исходным представлениям. Трудно анализировать социологию прошлого и настоящего без обращения к представлению социальной жизни, ставшему стержнем социологии.

Суть понятия общества важна для осмысления последних трансформаций, приведших почти к полному разрушению идеи общества. В последнее десятилетие ключом к пониманию развития социологии было ее намерение, высказанное или нет, разрушить единое понятие общества. Значительная часть социологов подчеркивают особое значение социальных фактов, которые не могут быть включены в репрезентацию общества как такового в качестве социальной системы. Общество, рассматриваемое как совокупность норм, институтов, процессов, изменений, было "преодолено". Произошло это, главным образом, под влиянием мировой политики, с одной стороны, и экономической деятельности, - с другой.

Наиболее известными направлениями анализа последних лет стали теория рационального выбора и структурализм, сначала в лингвистике, а затем в социологии и социальной антропологии. Цель этих подходов - устранить из анализа, как декларировал еще Леви-Стросс, понятия "социальная система", "действие", "ценности", "социальный контроль" и т.д. Следовательно, главные понятия классической социологии исчезают и дезинтегрируются, в свою очередь, в результате и экономической глобализации, и разрушительной способности гуманитарных наук. Возникает вопрос, можем ли мы переосмыслить, переформулировать область социологии или же должны признать, что дни ее сочтены и ее следует заменить новыми подходами, а существующие социологические концепции включить в другие социальные науки?

Было бы самой серьезной ошибкой отвергнуть общий критический анализ, известный под названием "социология", считает А. Турен. Задача состоит в том, чтобы поддержать новую репрезентацию социальных фактов, новую почву нашей специфической области исследования и размышлений. Сегодня ряд теоретиков предлагают решение - отказаться от идеи модерна потому, что социология ничего не получает от использования этого термина. Если мы согласимся, это фактически будет означать конец нашей философии и истории. Социологи вовсе не обязаны принимать постмодерный или постисторический подходы. Турен заявил, что он лично является сторонником совершенно другого подхода, признающего значение историзма.

Именно создание современного государства привело к преобладанию политических категорий, а развитие индустриального общества - к специфически социологическому рассмотрению социальных фактов. Это, в конечном счете, привело нас к обществу, в котором доминируют информационные структуры, в основном, коммуникации.

Проблемы теории и практики глобализации

Эта область была центральной в работе конгресса. **М. Арчер** в выступлении "**Исчезновение институциональной солидарности**" использовала термин "глобальный порядок" для анализа системной интеграции, а понятие "разделенный мир" - для анализа социальной интеграции. Послевоенный период характеризуется двумя периодами взаимо-

действия системной и социальной интеграции для стран Запада. До 70-х гг., по мнению Арчер, существовал высокий уровень обеих интеграций, взаимно регулировавших друг друга. Позднее, с 70-х гг. начинается их рассогласование, что вызвало недовольство теоретиков модерна.

В первый послевоенный период в западных обществах реализовывалась идея: "Социал-демократия плюс неокapитализм плюс государство всеобщего благосостояния". Именно благодаря ей интеграция Западной Европы вышла на создание Европейского Союза (ЕС). ЕС и сегодня используется как средство социального регулирования (профаммы по безработице, тендерному равноправию, Европейский суд). В рамках ЕС происходят социальные интеграции различных социальных групп (феминистки, зеленые), они становятся услышанными. Взаимная регуляция системы и общества в этих условиях поднялась на самый высокий уровень. По оценке Арчер, Европа сегодня - самое скоординированное общество. Она приводит пример Великобритании как антицентрализованной структуры, где существуют двусторонние регулирования отношений системы и общества.

Подобные подходы хорошо работали до 70-х гг. XX века, и применяемая формула была тесно связана с социальными институтами. В последние годы, однако, наблюдается упадок связи между системной и социальной интеграцией, что приводит к фрагментации общества. Упрощая, можно сказать, что причиной этого является рост транснациональных корпораций (ТНК) и бурное развитие дистантных рынков, а в области культуры - развитие электронных коммуникаций. Это сопровождается бурным развитием неправительственных организаций (НПО), интенсивным ростом международных инвестиций, дерегулированием финансовых рынков.

Подобное сочетание факторов разрушило формулу, основанную на примате нации-государства. Вследствие этого немедленно пришло в упадок социальное регулирование. Новые экономические элиты уже не зависят от нации-государства и его институтов. С развитием негосударственных предприятий и объединений ушла зависимость бизнеса и от населения. Им уже не нужна легитимизация народа. Сегодня бизнесмены нанимают необходимых им людей по всему миру. ТНК освобождают себя от государственных ограничений, которые ранее на них накладывало законодательство. Увеличиваются масштабы приватизации. Приватизированные предприятия соотносят себя скорее непосредственно с мировой системой, чем с национальными институтами. Возрастает разделение населения на отдельные секторы, растет фупповой антагонизм, и как следствие этого - расизм, преступность, бездомность. Падают местная и межпоколенческая солидарность людей.

Рассогласование между системной и социальной интеграцией растет на международном уровне. Экономические и финансовые системы перестают быть регулируемы. Глобальное предприятие обращается к дешевому и нерегулируемому рынку труда. Подрывается потенциал профсоюзов как социальной силы. Развивается нерегулируемый мировой финансовый рынок, провозглашающий свою нерегулируемость ("Мы сами себя регулируем благодаря прозрачности"). В этой ситуации банкиры становятся все более могущественными и неподконтрольными.

Возрастает разрыв между Севером и Югом, поскольку расширение дешевого рынка труда становится основой консолидации космополитической элиты. Она многоязычна, многие из ее представителей получили образование в трех странах. Эти люди могут превратить свой денежный капитал в новую форму культурного капитала. Следствием является бурно растущее социальное неравенство в мире. По статистике Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), в 1999 г. население развитых стран Запада составляло 19% мирового населения, однако среди пользователей Интернета они составляли 91%.

Н. Смелзер посвятил выступление проблемам социальной **преемственности в контексте глобализации**. Два его предварительных тезиса состояли в следующем. Во-первых, будущие изменения станут постепенными и плавными, а не революционными. Он не согласен, что исчезает социальное время и социальное пространство. На самом

деле общество будет развиваться на основе того, что человечество уже создало. Второе его замечание состояло в том, что сложность является основной характеристикой грядущих перемен. Сложность связывает прошлое и будущее общества.

К настоящему времени предложено много определений XX века. Его называют веком наций-государств; веком гегемонии США; разрушающим, трагическим веком; веком крайностей. Смелзер предлагает свое определение: "XX век - это век шума и перемешивания, и уж совершенно точно - это век повышения сложности". В доказательство он приводит увеличение количества государств; распад колониальных империй; усложнение социальных структур как внутри стран, так и на международном уровне; ускорение миграции населения. Население мира стало более смешанным, мультикультурализм расширился в рамках национальных границ, культурная и религиозная жизнь стали более разнообразными благодаря культурным, религиозным, этническим, лингвистическим движениям. Мир стал более разнообразным, смешанным, непонятым, не характеризующимся простыми дескрипторами. Социологические последствия этого состоят в том, что возросли неоднородность и неопределенность и в значительной степени утрачивается социальный контроль. Распространение крайностей на протяжении века - также его главная отличительная черта. Крайности - это попытка создания более простого и понятного мира. Маловероятно, что подобный "шум и перемешивание" не продолжатся в XXI веке.

Смелзер констатирует, что снижается автономность государств, уменьшается их суверенитет. Причина этого - экономические проникновения извне, последствия экономических решений мощных государств, мировая инфляция, т.е. внешние факторы, не контролируемые и не профилактируемые национальными правительствами. По данным ООН, на конец 2000 г. существовало около 6000 международных организаций, большинство из которых - негосударственные. При этом 72% из них создано на региональной, а не универсальной основе.

С появлением международных организаций меняются средства ведения борьбы. Примером может служить международный терроризм. Его сети выходят из государственных границ; это война негосударственных организаций против государства. Тактика террористов делает их недостижимыми для вооруженных сил государства. Таким образом, терроризм является одним из средств подрыва государства и его институтов. Парадокс же в том, что на деле это часто ведет к усилению государства. Так, США в ответ на события 11 сентября 2001 г. усилили свои контакты именно с государствами.

Смелзер делает вывод, что в XXI веке будут использоваться, хотя и по-новому, и в разных аспектах традиционные методы, и не стоит ожидать радикальных перемен, "затмения" государства. Он считает, что некоторые теоретики преждевременно хоронят модерн и неправоммерно рассматривают модернизацию в качестве замены модернизма. Модерн жив, особенно в странах, не достигших его. Здесь это считают единственным путем развития, возможностью адаптироваться к тому, что они понимают под современным Западом.

В последнюю треть века распространялись новые религиозные движения. Так, по некоторым оценкам, только в Африке около 10 000 таких движений. Число их сторонников очень мало, и только два из них - Сока Гаккай и сциентология достигли массовости. Тем не менее они делают наш мир культуры все более сложным. В последнюю треть века возникло и много квазирелигий, национальных, этнических, локальных, культурных и языковых движений. В качестве многочисленных примеров он назвал движения в Уэльсе и Шотландии, Испании, бывшем СССР и Восточной Европе.

История XXI века будет историей быстрых социальных изменений (вероятно беспрецедентно быстрых), с вытекающими из этого социальными последствиями. В области культуры следует ожидать неожиданных смещений, одновременного сосуществования сектантства и толерантности, неожиданного сочетания религиозного и нерелигиозного, а также некоторых изолированных попыток создать единую мировую религию. Следует готовиться скорее к сложности будущего мира, чем к его всеобщности (commonality).

Уже стало традицией, что одним из наиболее значимых событий международного социологического конгресса становится обращение президента Международной социологической ассоциации к участникам форума. Президентское обращение **А. Мартинелли** называлось **"Рынки, правительства, общности и глобальное управление"**. Комментируя тему конгресса, Мартинелли заявил, что она отражает основной социологический вопрос современности: какие у нас имеются инструменты для того, чтобы описать, интерпретировать, объяснить и предсказать динамику социального мира в XXI веке. Он процитировал Зигмунда Баумана, сказавшего, что "задавая правильные вопросы, мы улавливаем всю разницу между судьбой и предназначением, между дрейфом и путешествием". (Доклад А. Мартинелли опубликован в № 12-2001 и № 1 - 2002 журнала. - *Прим. ред.*)

Эксклюзии, неравенства и идентичности

По-прежнему исключительно актуальна тематика социальных неравенств в современном мире. Неравенства самым непосредственным образом связываются социологами с проявлениями эксклюзий в социальной практике. Особенно остро ставили эти вопросы социологи третьего мира. Их интересы и позиции изложила **Э. Рейс** из Бразилии. Ее доклад назывался **"Глобальный мир, многочисленные подходы, единое социологическое сообщество"**. Рейс отметила три главные тенденции развития современного мира: рост практики социальных эксклюзий; значительная трансформация нации-государства; новые многочисленные вызовы правам гражданства.

Введенный недавно в социологию термин эксклюзия не очень четок и отчасти заменяет другие термины, в частности, "бедность" и "маргинальность". Эксклюзия предполагает исключение из чего-либо. Быть исключенным - означает быть лишенным того, что имеют другие, поэтому социальная эксклюзия - термин, относящийся к социальным отношениям, к социальному распределению. При этом наиболее значимым является распределение прав гражданства, и эксклюзия в первую очередь предполагает лишение прав, связанных с гражданством. Проблематика эксклюзии не изолирована от классических тем социологии. Экономические, социальные, политические, культурные институты активизировали процессы, вследствие которых растет депривация.

Эксклюзия предполагает неудачу при включении (incorporation), а также ситуацию, когда человек, ранее пользовавшийся правами, лишается их, теряет доступ к тому, что имел раньше. В качестве примера Рейс приводит аргентинцев, имевших доступ к рынкам и лишившихся его, а также страны, где избранные правительства свергнуты армейскими группировками, вследствие чего население лишилось гражданских прав.

При рассмотрении гражданских прав она отметила, что в Европе в XX веке наблюдались тесные связи между государством и обществом. В настоящее же время налицо идеологическая дисперсия, расхождение между государством и нацией. Попытки государства не допустить эксклюзию потерпели провал, а мы еще считаем его естественной общностью, естественной формой организации людей. Стихийное смешение понятий нации и государства, начавшееся в Европе 200-250 лет назад, было столь успешным, что даже обществоведы приняли его как само собой разумеющееся, посчитали государство нормальной и естественной формой общества.

Эксклюзия - неравенство граждан страны в результате опций политики национального государства. И хотя существуют социальные акторы, создающие эксклюзию на международном и транснациональном уровнях, национальная база эксклюзий присутствует и в этом случае. В этой области грядут большие изменения. Из-за огромной интенсификации глобализационных процессов нации часто теряют естественность, и задача социологии в том, чтобы определить, каким же быть обществу в условиях, когда нации-государства рушатся. В решении этих задач мы снова должны обратиться к классикам социологии. Сегодня социология явно недостаточно изучает изменения нации-государства как социального сообщества в условиях произвола ка-

бальных финансовых рынков, экологических угроз и т.п. Национальное государство находится сегодня между молотом диктаторского глобализма и наковальной дезинтегрирующего местничества, постепенно отмирая.

Следует изучать государство как исторический артефакт, видеть его исторически изменяющееся местоположение между глобальным и локальным. В частности, значительно меняются отношения государства и рынков. С одной стороны, огромна роль латиноамериканских государств в процессах индустриализации. С другой - эти государства теряют ведущую роль в процессах социальной стратификации.

Сейчас систематически не изучают передачу полномочий регулирования от национального к международному уровню, пути сохранения преемственности социальных процессов и их координации. Взаимодействие между государством и организациями гражданского общества может привести к большей социальной ответственности в социальных процессах. Сотрудничество с другими социальными науками поможет выявить, как различные виды гражданского действий способны противостоять эксклюзивам, способствовать развитию гражданского общества. Так, люди, добровольно объединившиеся в борьбе против роста олигархического контроля над национальными ресурсами, имеют преимущество в отстаивании своих интересов перед людьми, не включенными в подобные общественные объединения.

Еще одной важной для социологов проблемой являются вызовы правам глобального гражданства. Несмотря ни на что, нации-государства и сейчас являются базой для прав глобального гражданства человека. Предрассудки из-за принадлежности конкретного человека к нации-государству порождают его эксклюзив при поиске работы. Более того, мы свидетели учащающихся попыток благополучных наций выселять людей в сельскую местность под предлогом борьбы с ростом преступности и разрушением инфраструктуры. При этом совсем не учитывается, имеют ли эти люди хоть какой-либо опыт жизни и работы в сельской местности. Таким способом создается дистанция между благополучными и бедными этносами.

Памяти Пьера Бурдьё

Конгресс уделил большое внимание памяти Пьера Бурдьё, его вкладу в развитие мировой социологической науки. Наиболее ярко и глубоко говорил об этом ученик Бурдьё, канадский социолог М. Фурнье в выступлении, озаглавленном **"Размышления о легитимности Пьер'а Бурдьё"**. В последних работах Бурдьё останавливался на "объективизации субъекта объективизации", отражая историю человека, который сам себя сделал, со специфическим разделенным габитусом и равноудаленностью как от элитизма, так и от популизма. Такую позицию было достаточно трудно поддерживать, и она предполагала бунт против институтов, против академических светил и схоластических способов мышления.

Центральным вопросом жизненного пути Бурдьё было решение уйти из философии - царицы наук - в социологию. Принимая это решение, он согласился с профессиональной и интеллектуальной идентичностью социолога и хотел дать этой дисциплине лучший имидж - серьезной научной дисциплины. Его целью было "поднять ее уровень". Свою последнюю лекцию Бурдьё завершил двумя метафорами. Первая была из Готфрида Лейбница и процитирована Морисом Мерло-Понти: "Бог - это геометрический locus всех перспектив", а вторая - касалась святого Христофора: "Если святой Христофор держит мир на своих плечах, то куда он поставил свои ноги?". Эти метафоры описывают парадоксальные и противоречивые положения его версии социологии - человека, который ввел рефлексивность как способ делать науку.

Пьер Бурдьё был интеллектуально ангажирован, однако он не был интеллектуальным солдатом. Стараясь достичь статуса Сартра и Фуко, он отличался от них в нескольких отношениях: на политической арене вступал в области, где сам был компетентен (например, образование), во имя науки и вместе с другими, кого он назвал "коллектив-

ным интеллектуалом". Для него важнее всего была защита академической свободы от всех внешних проникновений. Самый лучший способ изменить мир - понять его, а единственный способ достичь большей свободы - открыть ограничения этой свободы.

Бурдьё хотел создать одновременно теорию практики (понятия габитуса, капитала и стратегии), теорию общества (понятия поля, господства, воспроизводства и символического насилия) и теорию социологического знания (теорию роли интеллектуалов в политике). Если теоретик сумеет сделать это, он может претендовать на статус "классика социологии". Пьер Бурдьё, утверждает Фурнье, был мыслителем-новатором и авангардным интеллектуалом, действительно являясь одним из классиков нашей социологии.

Особенности организации Конгресса

В заключение несколько отдельных замечаний и соображений. Помимо названных в работе конгресса приняли участие Дж. Александер, Э. Тириахьян, И. Валлерстайн. Не вполне оправдались прогнозы Мартинелли, ожидавшего активного участия в работе конгресса социологов Китая, Дальнего Востока, Океании. Самой многочисленной делегацией была делегация Австралии (около 600 человек), Японию представляло более 100 социологов, от Китая же зарегистрировались лишь 33 участника. Затрудняло активность китайских и других дальневосточных социологов недостаточное знание официальных языков конгресса. Как всегда, самыми многочисленными делегациями после страны-организатора были делегации США (366 человек) и Великобритании (216 человек). Более 100 человек насчитывали делегации из Канады, Германии. Проведение конгресса продемонстрировало тенденцию к рутинизации подобных мероприятий. Институциональные мотивы очевидно все больше одерживают верх в противостоянии с содержательной стороной. Это выразилось, в частности, в многочисленных проявлениях, снижающих, на наш взгляд, эффективность важных мировых встреч. Впервые за последние десятилетия не был подготовлен для участников конгресса сборник тезисов представленных материалов. Значительно хуже, чем на прежних конгрессах, была организована оперативная информация. Формально некоторые жесты по расширению представительства незападных стран в сессионных заседаниях были сделаны. Однако на деле бразды правления как в содержательном, так и в организационном плане продолжают находиться у представителей Запада. К сожалению, на конгрессе было меньше содержательных дискуссий представителей различных направлений и подходов в социологии, что, с нашей точки зрения, явилось следствием излишней заорганизованности уже на этапе подготовки.

По количеству участников Россия занимала седьмое место из почти 90 стран-участниц. Однако наш вклад в работу Конгресса был очевидно слабее, чем вклад социологов из таких менее представленных стран, как Бразилия, Франция, Нидерланды, Италия. Многие наши участники недостаточно владеют языками, позволяющими активно работать не только на заседаниях, но и в кулуарах; отсутствие централизованного внимания и средств при подготовке конгресса привело к тому, что российская социология не была представлена даже по направлениям, где у нас есть что сказать миру; российские участники и наши представители в различных структурах МСА недостаточно активны на этапе подготовки программы конгресса. В результате российские социологи практически не востребованы как координаторы сессий.

К сожалению, менее активными на этом форуме были контакты российских участников с коллегами как из стран ближнего зарубежья, так и с социологами Восточной Европы. К недостаткам следует отнести почти полное отсутствие молодых ученых, призванных активнее участвовать в международных социологических мероприятиях подобного рода.